

12+

Лариса Чернова

Когда пазл сложился!

Притчи о финансах,
тревогах, самооценке
и поиске себя

Лариса Чернова
Когда пазл сложился! Притчи
о финансах, тревогах,
самооценке и поиске себя

<https://litres.ru/74281847>

ISBN 9785007061513

Аннотация

Иногда жизнь перестаёт укладываться в старые представления. Когда с детства знакомые фразы («Не высовывайся», «Будь скромнее», «Денег много не бывает») больше не работают. И ты замечаешь, сколько раз отказывался от важного просто потому, что боялся кого-то разочаровать. Сколько решений в своей жизни принимал вовсе не ты.

Автор необычных историй о деньгах Лариса Чернова иносказательно рассуждает о страхе ошибок, праве быть собой, о поиске внутренней опоры. Начни путь, и пазл обязательно сложится.

Содержание

Посвящение	8
Как читать эту книгу	9
Предисловие	10
Река, которая не умела останавливаться	13
Ворота страха	18
Девочка, которая умела рисовать ветер	24
Хару и колокольчик внутри	29
Алхимик тёплых слов	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Когда пазл сложился! Притчи о финансах, тревогах, самооценке и поиске себя

Лариса Чернова

Редактор Анна Столярова

Корректор Анна Асонова

Дизайнер обложки Наталья Демкина

Иллюстрации Chat GPT

© Лариса Чернова, 2026

© Наталья Демкина, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-6151-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОГЛАВЛЕНИЕ

Посвящение	5
Как читать эту книгу	5
Предисловие	6
Часть I. Пробуждение потока	9
Река, которая не умела останавливаться	11
Ворота страха и Золотой Ветер	16
Девочка, которая умела рисовать ветер	22
Хару и колокольчик внутри	27
Алхимик тёплых слов	32
Между тем, что было... ..	37
Часть II. Смелость жить	39
Девушка, которая продавала закаты	41
Когда копейки стесняются	46
Город, в котором не было сдачи	50
Сад, в котором не сажали цветы	55
Маяк и Корабль в тумане	59
Между тем, что было... ..	65
Часть III. Переписать сценарий	67
Музей Забытых Монет	69
Сборщик финансовых масок	74
Фонарь, который освещал страх	80
Когда деньги заговорили	84
Снежная Владычица и ожившая река	89
Между тем, что было... ..	95
Часть IV. Стать автором	97
Мастерица, которая не могла выбрать путь	99
Страница Тысячи Троп	105
Туманная гавань	110
Зеркало на дне Реки	116
Город открытых кошельков	121

Точка, где становится тихо	126
Послесловие	127
Благодарность	129

Посвящение

Тем, кто боится и всё равно идёт дальше

Тем, кто учится не отворачиваться от себя

Тем, кто однажды посмотрит на свою жизнь и тихо скажет:

«Пазл сложился»

#

Как читать эту книгу

В этой книге необязательно читать все подряд.

Иногда достаточно одной истории, чтобы потом целый день о ней думать.

Какие-то притчи покажутся читателю знакомыми. Какие-то — странными или даже раздражающими.

Иногда вы узнаете себя сразу. Иногда смысл догонит позже: в дороге, за чаем, перед сном.

Здесь нет правильного способа читать.

Можно открыть книгу на любой странице. Можно закрыть на середине главы и вернуться к ней через месяц.

Некоторые истории только притворяются притчами про деньги.

На самом деле они совсем о другом.

Предисловие

Когда я начала писать эти притчи, я не думала о книге.

Мне просто хотелось сказать о деньгах иначе.

Без вечного напряжения. Без ощущения, что разговор о финансах всегда сводится к тревоге или чувству вины.

Потому что за деньгами почти всегда стоит что-то большее.

Страх ошибиться. Страх быть «слишком жадной». Привычка откладывать свои интересы на потом. Или знакомое многим: «Сначала выживу — потом заживу».

Я часто встречаю умных, талантливых, чутких людей, которые годами не разрешают себе жить свободнее не потому, что им не хватает знаний.

Просто внутри у них слишком давно звучат одни и те же фразы-установки: «Не высовывайся», «Будь скромнее», «Денег всё равно не хватит».

И это заметно даже в мелочах: в том, как человек называет цену, как оправдывается за свои желания, как боится занять больше места в собственной жизни.

Притча работает иначе.

Она не спорит. Не убеждает. Не читает лекций.

Но иногда человек вдруг узнаёт себя в истории про реку, про девочку с закатами или про город, где платят за внимание.

И в этот момент что-то становится понятнее без долгих объяснений.

В этих притчах деньги редко бывают только деньгами.

Чаще это разговор про страх, ценности, опору, право быть собой и право хотеть большего.

Если во время чтения какая-то история вдруг заденет вас сильнее других — не спешите пролистывать дальше.

Возможно, именно там и скрывается ваш пазл.

Лариса Чернова, нейрокоуч и автор метафорических историй о деньгах

ЧАСТЬ I.

ПРОБУЖДЕНИЕ ПОТОКА

Река, которая не умела останавливаться

Жила-была Река. Весной она срывала старые мостки у деревень, летом мыла по дну белые камни так громко, что рыбаки слышали её ещё с ночи. Она шла с гор — холодная, быстрая, с водой цвета расплавленного стекла.

Люди вдоль берегов привыкли к ней так сильно, что почти перестали замечать. Мельник ждал, когда вода ударит в мельничное колесо. Рыбаки следили за течением перед выходом в туман. Дети бегали по мокрым камням и кричали друг другу, что река сегодня «сердится» или «спит». А Река всё время спешила.

На поворотах ускорялась сама собой, будто боялась: если хоть немного замедлится, мир сразу начнёт рушиться без неё.

С каждым годом течение становилось тяжелее. Она уже не помнила, когда в последний раз слышала собственную воду без чужих голосов: «Ещё немного!», «Только не сейчас!», «Нам нужна вода к утру».

Река помогала всем сразу. Иногда по вечерам ей попадались тихие заводи. Там вода становилась гладкой, почти неподвижной. И на секунду Реке казалось, что можно остаться. Просто полежать среди камышей. Никуда не нестись. Не

тащить на себе чужую жажду. Но стоило ей замедлиться, как с берегов снова доносились крики. Мельник ругался, что колесо встало. Рыбак жаловался на пустые сети. На восточных полях трескалась сухая земля. И Река снова срывалась вперёд.

Иногда течение становилось таким густым, что ей приходилось буквально проталкивать себя между берегами. Она впервые чувствовала тяжесть собственной воды. Но остановиться было страшнее. Потому что тогда пришлось бы услышать себя.

Однажды ночью стало особенно тихо. Даже лягушки у берега замолчали. Ветер не трогал камыши. Только вода по привычке продолжала идти вперёд. Река текла, как всегда. Помогала, как всегда. Слышала голоса с берегов. Но вдруг поняла, что совсем не чувствует собственного течения. Будто внутри осталось только движение. Без неё самой.

Она попыталась ускориться. Так было всегда, когда становилось тревожно. Но вода не откликнулась. Тогда Река остановилась. Не потому что решила. Просто больше не смогла течь. Она замерла у старого берега и впервые за долгое время не знала, куда двигаться дальше. Тишина сначала напугала её. Потом оказалось, что в ней не нужно никого спасать.

Только тогда Река заметила Старый Камень. Он лежал у воды так давно, что в его трещинах уже росла тонкая рябина. Корни уходили прямо в серый расколотый бок Камня.

Камень молчал. И почему-то рядом с ним не хотелось спе-

шить.

— Ты снова не спишь, — сказал он наконец.

Река долго собиралась с ответом.

— Сегодня я тащила против ветра два тяжёлых корабля. Напоила три деревни. Не дала пересохнуть полям на востоке, — тихо сказала она. — Почему тогда внутри так пусто?

Камень помолчал.

— Видишь трещину у меня на боку?

Река посмотрела на рябину.

— Когда-то зимой меня расколол мороз. Я думал, после этого останется только рассыпаться. А потом в трещину попало семя.

Он снова замолчал, будто вспоминал что-то очень далёкое.

— Я видел много рек. Некоторые так боялись остановиться, что однажды переставали чувствовать воду.

Река ничего не ответила. Только течение у берега стало тише.

— Ты думаешь: если остановишься, всё рухнет без тебя, — сказал Камень.

— А если я правда остановлюсь? Кто тогда даст им воду?

В её голосе впервые прозвучала злость. Не на людей. На собственную усталость.

Камень долго смотрел на неё.

— А если ты не остановишься — что останется от тебя, кроме течения?

Река вздрогнула. Впервые ей стало страшно не от остановки. А от мысли, что она давно живёт только движением.

— Тогда почему я всё время устаю? — почти шёпотом спросила она.

Камень ответил не сразу:

— Потому что ты останавливаешься только затем, чтобы снова бежать.

После этого они долго молчали. Вода тихо касалась берега. Где-то в темноте стучала лодка о старые сваи.

— Попробуй однажды остаться в тишине чуть дольше, чем обычно, — сказал Камень. — Не для пользы. Не чтобы восстановиться. А чтобы увидеть себя.

На следующее утро мельник снова кричал с берега. И Река, как всегда, помогла. Она уже привычно ускорилась, но вдруг вспомнила ночной разговор и на секунду замедлилась. Всего на секунду. Этого хватило, чтобы почувствовать, как сильно ей хочется снова сорваться вперёд. Через минуту она уже неслась дальше. Даже разозлилась на себя за эту паузу.

Но вечером всё равно вернулась в тихую заводь. На этот раз задержалась чуть дольше. Сначала просто слушала воду. Потом посмотрела вниз. И увидела лодки, которые держала на плаву. Мокрые ладони рыбаков. Детей, бегущих вдоль берега. Поля, тянущиеся к её воде. Круги на поверхности дрогнули и долго не расходились. Что-то внутри неё впервые не требовало немедленно бежать дальше.

На следующий день она снова забыла остановиться. Вспомнила об этом только поздно вечером. Ей стало горько. Но вместо того чтобы ругать себя, она просто заметила это.

И попробовала замедлиться на следующий день. Так проходило время. Река всё ещё спешила. Всё ещё помогала людям. Иногда снова неслась так быстро, будто пыталась убежать от собственных мыслей. Но теперь между течением начали появляться паузы. Сначала короткие и неловкие. Потом чуть длиннее. Иногда в них всё ещё было тревожно. Иногда — пусто.

А иногда она вдруг слышала: воду, ветер, камни под собой.

С тех пор Река не стала медленнее. Она просто перестала всё время убегать от самой себя.

И однажды заметила: течение больше не тащит её вперёд. Оно идёт рядом.

Ворота страха и Золотой Ветер

#

Высоко в горах, среди сосен, которые даже летом пахли холодом, жила девушка по имени Ара.

Её дом стоял почти у самого края Долины. По утрам на её кухне посвистывал старый чайник, вечером фонарь у крыльца потрескивал от ветра, а осенью воздух приносил запахи далёких дорог — мокрой древесины, дыма, корицы и чужих рынков.

Ара любила сидеть на ступеньках и гадать, откуда сегодня пришёл ветер.

У ворот Долины жил Страж. Маленький дух с шерстью цвета коры и тяжёлым взглядом существа, которое слишком долго сторожит одно и то же место. В его шерсть постоянно набивалась древесная пыль, а лапы пахли железом от старой щеколды.

Страж редко выходил за ворота. Зато любил рассказывать истории. О соседних долинах, где ветер ломал крыши. О людях, которые однажды ушли и не вернулись. О бурях, после которых деревья стояли чёрные, будто обгоревшие. Эти истории он помнил лучше собственного детства.

И потому почти всегда говорил ветрам: «Нет».

Однажды осенью к воротам пришёл Золотой Ветер. Он не стучал. Только шевелил мокрые листья у порога и тихо посвистывал между камней. От него пахло дальней дорогой, кострами после дождя и чем-то новым, от чего одновременно хотелось сделать шаг вперёд и запереть дверь.

В руках Ветер держал семена. Маленькие. Золотистые. С тонкими прожилками на коже.

— Открой, — сказал Ветер. — Я принёс кое-что для вашей Долины.

Страж тут же поднял шерсть дыбом:

— Нет. Такие, как ты, уже приходили.

— И что?

— Люди потом жалели.

Ветер посмотрел на него внимательно, но спорить не стал.

Только пожал плечами, будто слышал подобное не впервые.

Когда он уходил, одно семя выпало из его ладони и осталось лежать у ворот.

Страж даже не притронулся к нему.

С тех пор Ветер начал приходить сюда снова.

Иногда приносил круглые семена. Иногда длинные, похожие на рыбы глаза. Иногда — почти прозрачные.

И каждый раз Страж прогонял его. Не потому что был злым. Просто слишком долго жил среди чужих страхов. Он помнил истории о разрушенных домах так ясно, будто сам

стоял среди этих развалин. Хотя в его Долине ничего подобного никогда не случалось.

Со временем Долина стала тихой. Слишком тихой. Фонарь у дома Ары всё чаще гас раньше вечера. Чайник посвистывал еле слышно. Даже деревья будто перестали шуметь.

Однажды Ара увидела, как Ветер снова уходит вниз по тропе.

Между соснами ещё дрожал золотистый свет.

А у ворот лежало семя. Совсем маленькое.

Она подняла его. Кожа оказалась тёплой, будто его только что держали в ладонях.

— Почему ты никогда его не выпускаешь? — спросила Ара.

Страж сидел у ворот, не поднимая глаз.

— Потому что потом бывает больно.

— Тебе?

Он помолчал:

— Всем.

Ара присела рядом на камень. Семя грелось у неё в кулаке.

— Но у нас ведь ничего не случалось.

Страж нервно дёрнул хвостом.

И начал рассказывать. О долине за перевалом, где ветер однажды снёс мост. О людях, которые ушли искать новую жизнь и потеряли дом. О том, как перемены сначала обещают что-то хорошее, а потом забирают больше, чем дают.

Он говорил долго. Будто повторял это уже сотни раз.

Ара слушала молча.

Потом спросила:

— То есть ты столько лет сторожишь бурю, которой здесь ни разу не было?

Страж осёкся. Лапы его сильнее вжались в землю.

— Но она могла прийти.

Ара раскрыла ладонь. Семя лежало спокойно и тихо поблёскивало в вечернем свете.

— Я выросла, — сказала она. — А ты до сих пор охраняешь нас от чужих историй.

Страж хотел ответить сразу. Как обычно. Но почему-то не смог. Только посмотрел на ворота. Потом — на тропу за ними. Будто впервые задумался, сколько лет не открывал их по-настоящему.

Ночью Ара долго не спала. Семя лежало на подоконнике рядом с чашкой остывшего чая. Иногда ей казалось: а вдруг Страж прав? Вдруг некоторые двери действительно лучше не открывать? Она смотрела в окно, где ветер качал верхушки сосен, и думала о том, как странно устроен страх. Иногда он защищает. А иногда просто годами держит руку на щеколде.

Утром Ара вышла к воротам. Страж уже сидел там. Сонный. Нахмуренный. Будто тоже почти не спал. Они молча просидели рядом весь день. Смотрели, как по тропе вниз катится туман. Как ветер шевелит сухую траву. Как к вечеру холодеют камни.

Страж всё время прислушивался. К лесу. К воротам. К себе.

На следующий день Ветер вернулся. На этот раз он ничего не говорил. Просто стоял за воротами — тихий, золотистый, пахнувший мокрой дорогой.

Страж поднялся медленно. Подошёл ближе. Долго смотрел наружу сквозь щели между досками. Потом перевёл взгляд на Ару. Она ничего не сказала. Только показала семя, которое всё это время носила в кармане.

Страж шумно выдохнул. Посмотрел на свои лапы. Помедлил. А потом очень медленно отодвинул щеколду. Ветер вошёл осторожно. Не рванулся вперёд. Не закружил листья. Даже не улыбнулся. Будто сам боялся спугнуть этот момент.

Несколько семян выпали из его ладоней прямо у порога. И почти сразу по Долине прошёл новый запах. Мокрой земли после дождя.

Где-то хлопнула ставня. Зашумели деревья. Фонарь у дома Ары вспыхнул ярче обычного.

Страж стоял неподвижно. Ждал бури. Но бури не было. Только ветер шевелил траву у ворот.

Проходили дни.

Ветер теперь приходил часто. Иногда оставался ненадолго. Иногда исчезал почти на неделю. Семена лежали у порога. Мокли под дождём. Катались между камней. А потом растаял последний снег.

И однажды утром у ворот появился тонкий золотистый

росток. Ара заметила его первой. Присела рядом. Провела пальцами по маленькому листу.

Страж смотрел молча.

— Сколько всего могло вырасти раньше, — тихо сказал он.

Ара ничего не ответила. Потому что они оба и так это понимали.

С тех пор Страж не перестал охранять ворота. Но теперь, прежде чем закрыть их, он спрашивал себя: «Это настоящая опасность или просто старая история, которую я снова испугался прожить?»

Получалось не всегда. Иногда он всё ещё слишком быстро тянулся к щеколде. Но теперь хотя бы замечал это. А рядом с воротами росло дерево.

Небольшое. С золотистыми листьями, которые звенели на ветру почти как колокольчики.

Иногда по вечерам Ара замечала, как Страж подходит к нему и долго стоит рядом.

Не сторожит. Не ждёт беды.

Просто слушает, как шумят листья.

Девочка, которая умела рисовать ветер

Жила-была девочка по имени Аой.

Каждое утро она поднималась на холм с деревянным ящиком красок под мышкой. Трава по утрам была холодной и мокрой, цеплялась за подол, а ветер ещё сонно ходил между деревьями, будто только просыпался вместе с долиной.

Аой садилась в траву, закрывала глаза и долго слушала. Иногда ветер приходил сразу — шевелил волосы, путался в рукавах, качал высокие стебли. Иногда приходилось ждать. И только когда внутри становилось тихо, рука сама тянулась к кистям.

Она рисовала не деревья и не облака.

Ветер.

На бумаге появлялись тонкие линии, рваные завитки, лёгкие тени, похожие то на морской шум, то на осенние листья, бегущие по камням. Иногда рисунки выходили такими странными, что Аой сама не могла объяснить, почему от них хочется молчать чуть дольше обычного.

Люди иногда останавливались рядом.

Старики шурились и долго рассматривали листы. Дети тянули руки к краскам. Путники забирали рисунки с собой, аккуратно сворачивая их в трубочки.

Аой никогда не просила ничего взамен.

Так продолжалось долго, пока однажды утром она не открыла ящик с красками и не увидела, что на дне осталось всего два целых мелка и засохшая синяя краска по краям баночки.

Она долго сидела рядом с открытым ящиком, глядя внутрь.

Ветер гулял по холму как обычно, но в этот раз слушать его не получалось.

Потому что впервые появилась мысль, от которой стало тревожно: если она хочет рисовать дальше, придётся брать у людей деньги.

И почти сразу за ней пришла другая мысль, ещё неприятнее: а что если после этого она перестанет слышать ветер так, как раньше?

В тот же день к холму поднялся старик с бамбуковым посохом. Он шёл медленно, часто останавливался и долго рассматривал её рисунки, будто пытался услышать в них что-то своё.

— Сколько стоит твой ветер? — спросил он наконец.

Аой ответила не сразу.

— Я его не продаю, — сказала она тихо. — Просто отдаю.

— Почему?

Она пожала плечами и отвела взгляд:

— Если люди начнут платить... вдруг я начну рисовать не

то, что слышу, а то, что им понравится?

Старик понимающе кивнул.

Потом достал монету и положил её на край рисунка.

— Если воду всё время держать в чаше, она однажды зацветёт, — сказал он. — Некоторые вещи должны двигаться дальше.

После его ухода монета ещё долго лежала рядом с бумагой. Аой несколько раз брала её в руки и снова откладывала.

Ночью она почти не спала. А утром у тропинки появилась маленькая деревянная дощечка:

«Рисую ваш ветер. Оставьте столько, сколько захотите».

Сразу захотелось снять её обратно. Казалось, даже воздух вокруг изменился.

Аой села на привычное место, разложила бумагу, взяла кисть — и вдруг поняла, что ничего не слышит.

Ветер всё ещё шёл по траве. Шевелил листья. Касался лица.

Но внутри было слишком много напряжения.

Она пыталась рисовать быстрее, потом медленнее, меняла кисти, закрывала глаза, снова открывала — линии выходили чужими и ломкими.

В какой-то момент стало страшно. Не из-за денег. Из-за мысли, что однажды она поднимется на этот холм и больше никогда не услышит ветер по-настоящему. Рука уже потянулась сорвать дощечку.

Но Аой остановилась. Села обратно в траву и осталась

ждать. Долго. Пока не поняла одну простую вещь: ветер никуда не исчез. Это она сама слишком старается сделать всё правильно.

После этого стало чуть легче. Она снова закрыла глаза. На этот раз не пытаясь удержать звук, не пытаясь угадать, каким рисунок должен получиться.

Просто слушала. Сначала появились тонкие рваные линии. Потом рука снова начала двигаться свободнее.

Первым к ней подошёл мальчик в слишком больших сандалиях. Он долго смотрел на рисунок, потом серьёзно достал из кармана шесть желудей и аккуратно разложил их рядом.

Будто отдавал настоящее сокровище. Аой неожиданно улыбнулась. Потом пришла женщина с корзиной трав. Потом торговец, пахнувший дымом и дорогой. Кто-то оставлял монеты, кто-то яблоки, кто-то тёплые булочки в бумаге.

И постепенно Аой заметила странную вещь.

Рисунки не стали хуже. Наоборот. В них появилось больше воздуха, больше движения. Люди теперь дольше держали листы в руках перед тем, как уйти, словно уносили с собой не просто рисунок, а что-то услышанное внутри себя.

Однажды вечером Аой перебирала старые работы — такие же, что раньше просто раздавала прохожим.

В них тоже был ветер. Но теперь она вдруг увидела разницу. Старые рисунки будто заканчивались вместе с листом. А новые — нет.

Они продолжались дальше. В людях. В разговорах. В том, что кто-то приносил их домой и вешал у окна.

Когда старик снова поднялся на холм, дощечка всё ещё стояла у тропинки.

Он посмотрел на неё, потом на новые рисунки — и улыбнулся.

— Теперь понимаешь? — спросил он.

Аой задумалась.

Ветер мягко ходил по траве вокруг них.

— Я боялась, что если начну брать плату, то потеряю что-то важное, — сказала она. — А оказалось... иногда вещи исчезают как раз тогда, когда их всё время держат при себе.

Старик тихо рассмеялся.

А Аой подняла глаза к ветру и впервые за долгое время не боялась, что однажды перестанет его слышать.

Хару и колокольчик внутри

На краю леса жила девушка по имени Хару.

Дом у неё был маленький: скрипучее крыльцо, узкие окна и стол у стены, вечно заляпанный краской. По утрам лес подступал почти вплотную — влажный, сонный, пахнущий мхом и дождём. Хару любила эти часы больше всего.

Иногда ей казалось, будто внутри у неё живёт что-то очень тонкое — почти как звон маленького серебряного колокольчика. Оно отзывалось на простые вещи: на туман за окном, на смешные кляксы от краски на руках, на первый глоток горячего чая ранним утром.

Но стоило появиться мыслям о деньгах, звон исчезал.

Не резко. Просто внутри становилось глухо.

Хару выросла среди людей, которые часто повторяли: «Лучше жить скромно, чем продавать душу», «Настоящий дар не должен стоить денег», «Если делаешь что-то от сердца, не проси плату».

Она слушала это с детства так долго, что перестала замечать, как эти слова проросли внутри неё.

Хару брала дешёвые кисти, экономила на бумаге и всегда краснела, если кто-то пытался оставить ей лишнюю монету. После оплаты ей хотелось поскорее убрать деньги подальше, будто они лежали на столе слишком громко.

Она рисовала для соседей бесплатно. Могла полночи про-

сидеть над чужим портретом просто потому, что человеку было грустно. Но когда речь заходила о заказах и оплате, внутри всё сжималось.

Иногда Хару соглашалась рисовать то, что просили другие, хотя ей самой это не нравилось. Иногда наоборот — отказывалась от хорошего заказа только потому, что сумма казалась ей слишком большой. А потом сидела вечером у пустого ящика с красками и думала, где взять деньги на новые.

Так повторялось снова и снова.

Однажды ранним утром, когда лес ещё не проснулся, к её окну прилетела Пыльца. Маленькое существо из света и золотистых пылинок. Не яркое — скорее похожее на солнечный луч, который случайно задержался в воздухе.

Пыльца уселась на подоконник и посмотрела на Хару внимательно.

— Ты опять прячешь деньги в дальний ящик, — сказала она.

Хару смутилась:

— Мне не нравится, когда они лежат на виду.

— Почему?

Она пожала плечами и отвела глаза:

— Не знаю. Будто... будто я становлюсь хуже, если думаю о них слишком много.

Пыльца молчала несколько секунд.

— А хуже для кого?

Хару не ответила.

В комнате было тихо. Только ветки царапали стекло.

— Ты ведь не боишься самих денег, — сказала Пыльца.

— Ты боишься оказаться «неправильной».

Хару медленно подняла взгляд:

— А если это правда? Если человек меняется, когда начинает брать плату за то, что любит?

Пыльца чуть склонила голову набок:

— А ты проверяла?

— Как это проверить?

— Очень просто. Один раз взять деньги и посмотреть: ты действительно стала другой или только ждала, что тебя за это осудят?

Хару нервно усмехнулась:

— Это не так просто.

— Конечно, не просто, — спокойно ответила Пыльца. — Ты столько лет жила с мыслью, что бедность делает человека честнее.

После этих слов внутри Хару что-то дрогнуло. Не звон. Но уже и не тишина.

Пыльца вытянула руку, и прямо из воздуха в её ладони появился тонкий лист бумаги. На нём был нарисован сад: тропинки, деревья и круглые пустые лунки, будто кто-то оставил место для маленьких огней.

— Это твой Сад Света, — сказала она. — Некоторые лунки будут загораться, когда ты перестанешь смотреть на деньги как на обвинение.

— А если не перестану?

— Тогда сад останется тёмным. Такое тоже бывает.

Сказав это, Пыльца легко соскользнула с подоконника и исчезла между деревьями.

Хару ещё долго сидела с листом в руках.

Потом встала, подошла к столу и закончила рисунок, который откладывала почти три недели. Всё это время ей казалось, что работа недостаточно хороша, чтобы брать за неё деньги.

Когда она поставила последний штрих, внутри стало чуть теплее. Совсем немного.

Одна из лунок в углу листа мягко засветилась.

На следующий день Хару вышла в деревню и встретила соседку. Та сидела на лавке у дома — уставшая, с пустой корзиной на коленях.

Хару молча достала яблоко из сумки, разломила пополам и протянула ей половину. Соседка так неожиданно улыбнулась, что Хару сама улыбнулась в ответ.

По дороге домой она вдруг подумала: «Это ведь тоже настоящее».

Лунки на листе не загорелись. Но внутри стало спокойнее. Потом были другие дни. Тяжёлые.

Краски закончились почти полностью. Один заказчик пропал и не ответил на письмо. Хару сидела ночью за столом и смотрела на свой сад, где большинство лунок всё ещё оставались пустыми.

В такие вечера ей казалось, что всё это — просто красивая сказка для утешения.

Но утром она всё равно вставала. Иногда без желания. Без вдохновения. Без ощущения света. Просто потому, что наступил новый день.

Однажды ранним утром она вышла на крыльцо с кружкой кофе и вдруг заметила, как много звуков живёт вокруг неё даже в тишине. Кукушка в лесу. Ветер в мокрой траве. Скрип ступеньки под босой ногой. Пар над чашкой.

Колокольчик внутри молчал.

Но Хару вдруг поняла, что дышится ей легче, чем вчера. Камень всё ещё был на месте. Только уже не давил так сильно. Она вернулась в комнату и посмотрела на лист. Одна маленькая лунка в самом углу будто стала чуть светлее.

И тогда Хару впервые подумала: может быть, свет — это не всегда радость? Иногда это просто способность продолжать.

Время шло медленно. Некоторые лунки загорались. Некоторые снова гасли. Иногда Хару брала деньги спокойно. Иногда после оплаты всё ещё чувствовала неловкость. Но теперь хотя бы замечала это.

Однажды утром она проснулась от странного света в комнате.

Лист с садом лежал на столе, и последняя пустая лунка мягко светилась.

Рядом стоял конверт. На уголке блестела золотистая

пыльца.

Хару открыла письмо.

«Я показал вашу работу другим мастерам. Они хотят продолжения. Назовите вашу цену».

Она перечитала записку дважды. Потом медленно села за стол.

Раньше от таких слов у неё сразу начинало сводить живот. Хотелось занизить сумму. Извиниться заранее. Сделать вид, что работа не стоит слишком дорого.

Но в этот раз было иначе.

Хару долго смотрела на свои руки — в пятнах краски, с царапиной на пальце от старого ножа для бумаги. Потом тихо сказала:

— Тысяча монет.

И внутри что-то дрогнуло.

А потом колокольчик зазвенел снова. Тихо. Спокойно. Так, будто ему больше не нужно было прятаться.

Алхимик тёплых слов

На краю долины, где туман по утрам дольше обычного лежал между деревьями, стоял старый деревянный дом.

Летом окна в нём приходилось открывать с усилием — плющ так густо затянул стены, что местами ветви уже пробирались под крышу. Дверь скрипела одинаково много лет подряд, а ступени у крыльца были стёрты чужими ногами почти до блеска.

В этом доме жил Алхимик.

Каждое утро он поднимался на крышу, где стояли глиняные горшки со словами.

Слова росли медленно. Некоторые тянулись вверх быстро, цепляясь тонкими побегами за солнечный свет. Другие долго сидели почти у самой земли и раскрывались только к осени.

У Алхимика были «Передышка», «Терпение», «Попробуй ещё», «Останься», «Смелость». На самом дальнем краю крыши, куда ветер добирался раньше всего, росло «Не сейчас».

Алхимик никогда не срезал листья сразу.

Сначала долго смотрел. Иногда трогал пальцами край листа. Будто проверял, готово слово или ещё нет.

Потом растирал его в ступке, заваривал вместе с травами, и по дому расходился тёплый запах — от него люди незамет-

но начинали говорить тише.

К нему часто приходили издалека.

Обычно сначала много говорили: про усталость, про чужие ожидания, про то, как давно не получается спать спокойно. А потом вдруг замолкали. И долго сидели у огня.

Алхимик почти никогда не давал им советов. Только подливал чай. Иногда подбрасывал полено в печь. Иногда уходил на крышу и возвращался с маленьким бумажным свёртком.

Перед уходом он вручал каждому семя.

— Посади, — говорил он. — Некоторые вещи прорастают слишком поздно, чтобы человек сразу понял, когда всё началось.

Однажды поздней осенью к нему пришла женщина по имени Сэй.

Она была портнихой. Хорошей. Очень хорошей. Её руки чувствовали ткань лучше, чем многие чувствуют собственное настроение. Она могла наощупь понять, где материал растянется, а где ляжет тяжело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.